

использованием средств, создают реальные предпосылки эффективного управления и целевого использования средств федерального бюджета всеми участниками бюджетного процесса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ)

**Л.П. Гвоздарёва
(Астрахань, Россия)**

Институт как правило или ограничение, поддерживаемое особым механизмом обеспечения его действенности¹, призван способствовать повышению эффективности взаимодействия между людьми. Экономическая деятельность в данном случае не является исключением.

Потенциал современной экономики определяется не только природными ресурсами, запасом капитала, но и человеческим фактором – трудом и предпринимательскими способностями.

Труд и предпринимательские способности, в свою очередь, как способности человека участвовать в производстве благ, зависит от физического, интеллектуального и творческого потенциала личности.

Возможности реализации индивидуального потенциала зависят от внешних условий, причем не только от экономического благосостояния, но и социально-культурных норм в обществе. Культура – правила коммуникации (взаимодействия, взаимного сосуществования). Культуру можно считать адекватной реально существующим условиям жизни общества (т.е. эффективной), если она способствует улучшению жизни индивидов в обществе, а не ухудшает условия жизни людей в нем.

Коммуникация (объединение) между людьми имеет смысл лишь при условии, что выигрыш (выгоды) каждого участника больше чем потери (издержки, затраты).

Учитывая, что человек – существо с исчерпаемыми ресурсами (энергетическими, творческими, интеллектуальными, временными), культурные (институциональные) условия не должны способствовать растрачиванию внутренних ресурсов человека.

Институт современной культуры весьма многообразен по объектам (субъектам) приложений (или источникам ограничений): культура семейных взаимоотношений, культура половых коммуникаций, культура социальных взаимодействий.

Для того чтобы разработать наиболее комфортных условий реализации индивидуального потенциала человека, необходимо тщательно изучить его природу, т.е. его потенциальные возможности в условиях естественных природных ограничений.

Позитивный анализ в данной сфере исследований для российской науки и культуры долгое время был непопулярен, поскольку в советском обществе мораль подчиняла индивида обществу, индивидуальные (внутренние) интересы подменялись общественными (внешними по отношению к индивиду). Ко всем без исключения предъявлялись одинаковые требования общественной морали без учета индивидуальных различий как во внутреннем потенциале (физическое и психическое здоровье, уровень интеллектуального развития), так и во внешних близких условиях существования (эмоциональный климат в семье, экономическое благосостояние индивида и его семьи).

Многие люди, личностно полноценные, ломались под тяжестью гнета общественной морали и деградировали, уподобляясь большинству (ради выживания), другая (немалая) часть (послабее) была обречена на вымирание. Отсюда национальная российская болезнь – алкоголизм как средство, дающее возможность не понимать, что происходит вокруг (ослабить остроту восприятия окружающей действительности).

Десятилетия в России людей учили не думать самостоятельно, а выполнять чьи-то указания. Ценой этому «зомбированию» стала современная провинциальная «уничтожающая» культура, общественная и индивидуальная (самоуничтожающаяся).

Провинциальная потому, что столичная институциональная среда (культура) резко отличается от неё. Причина этому, по-видимому, кроется в меньшей изоляции столицы от мировых потоков информации, касающихся, прежде всего, достижений наук о человеке (или человеческом обществе), и, как следствие, более прогрессивная общественная мораль и адекватные культурные нормы. Кроме того, тесное сотрудничество с представителями более цивилизованных культур позволило быстрее заимствовать и адаптировать их нормы к новым экономическим условиям, к столичной институциональной среде в силу использования наименее «дешёвого» способа из возможных для этого – копирования.

Для иллюстрации высокой цены, которую платят российские граждане за социальное программирование с целью искусственного (насильственного, а потому неестественного) уравнивания (nivelирования) индивидуальных различий, исследуем культуру отношений между людьми в российском обществе в разных вариациях – семье, близком дружеском окружении, микросоциуме фирмы, под определенным углом зрения, который имеет цель выявить степень влияния культурных ограничений на возможности экономической реализации индивидуального человеческого потенциала.

Отсутствие навыков самостоятельного мышления проявляется в редком появлении нестандартных идей, оригинальных бизнес-проектов в сфере предпринимательства. Чаще встречается деятельность «по штампу» («как другие»), что приводит к относительно низким заработкам (или доходам) индивидов и соответствующему уровню жизни их семей.

Кроме того, появление редких оригинальных идей часто не получает своей практической реализации по причине отрицательной оценки близкого окружения автора (смеются соседи, отворачиваются друзья, бросает жена (муж) и т.п.).

По этой же причине в провинции слабо развиты «экстремальные» виды искусства (например, стриптиз, эротика), так как даже относительно высокие заработки в этой сфере искусства не могут компенсировать работнику данной профессии риск быть дискриминированным по профессиональному («аморальному») признаку. В России до сих пор остается опасность не получить (или потерять) работу только потому, что в биографии человека есть факт занятости в социально не одобряемой профессии. Особенно сильно это работает в провинциальном обществе. Столичная общественная мораль более терпимо относится к этому, видимо, в силу тесной культурной близости к странам с большей степенью человеческой свободы как нормы цивилизованной культуры.

Непонятна логика общественного запрета на факт существования потребности в эстетике, в созерцании красоты человеческого тела, его пластики и сексуальности. Вся цивилизация направлена на удовлетворение человеческих потребностей. При этом важно, чтобы улучшение положения одних не достигалось за счет ухудшения положения других. Здесь – явный перегиб (и явная несправедливость) – мы получаем удовольствие от созерцания красоты обнаженного человеческого тела и за это же наказываем источник наслаждения, калеча ему жизнь, искажая его судьбу, разрушая его биографию. Наказывая других, мы тем самым наказываем себя, ибо лишаем себя возможности получить вполне определенное удовольствие, так как последующие трудности не делают такие профессии привлекательными.

Сам по себе данный вид искусства (в отсутствие надуманных культурных ограничений) мог бы приносить доходы и пользу, как производителям, так и потребителям, как источник взаимного удовольствия (или взаимных выгод), так как сам по себе не причиняет вреда ни одной из сторон, принимающих участие в производстве и потреблении.

Единственным аргументом в пользу запрета чаще всего служит развитие преступлений, связанных с насилием как следствие развития данных видов искусства. Однако такие преступления были и тогда, когда в нашей культуре существовал абсолютный запрет на данные виды искусства и, тем самым, они были полностью исключены из практики. Это наталкивает на мысль об отсутствии прямой зависимости между этими явлениями.

По мнению автора, чем свободней страна от всяческих запретов, тем меньше

преступлений, связанных с насилием. (Кроме, повторюсь, тех случаев, когда свобода одного человека реализуется за счет несвободы другого). По мнению многих современных психологов, потребность в насилии над себе подобным чаще всего возникает у жертв насилия в прошлом. Отсюда напрашивается вывод, который можно выразить символически следующим образом:

Рис.1. Формула эффективной культурной коммуникации

Максимум удовольствия от коммуникации =
= свободный выбор одного индивида + свободный выбор другого.

Рис.2. Формула НЕэффективной культурной коммуникации

НЕмаксимум удовольствия от коммуникации =
= свобода одного + НЕсвобода другого.

Социальное давление (со стороны общества) приобрело с годами генетический характер и воплотилось в конформизме (потребности подчиняться воле общества), внутренней несвободе (неспособности принимать независимые самостоятельные решения), и, как следствие, привело к внутренним личностным конфликтам.

Страх быть отвергнутыми обществом из-за несоответствия представлениям о престиже и экономическом благополучии часто приводит к нерациональным, с экономической точки зрения, решениям индивида (например, отказ от работы нуждающегося в заработке индивида только по причине её непрестижности или низкой зарплаты – по принципу «лучше никакой работы, чем непрестижная работа с низким заработком» - нерациональное решение).

Половая дискриминация в провинциальной культуре продолжает процветать, хотя часто не оправдывает себя экономически. Такой дискриминации (а часто даже внутренней, или самодискриминации) подвергается мужчина, не способный соответствовать традиционным общественным представлениям о «настоящем мужчине» по причине неумения «обеспечить семью» необходимым и достаточным уровнем дохода. В семье такой представитель мужского пола без понимания со стороны близких отсутствия объективных условий для обеспечения семьи постепенно разрушает свой энергетический потенциал под влиянием негативного эмоционального климата в семье, от чего еще больше экономически страдает семья, так как следствием такой практики часто является снижение производительности труда в силу значительных энергетических затрат на самозащиту во внутрисемейных конфликтах (или внутренних личностных конфликтах) и, как следствие, категорический отказ от всякой работы со всеми вытекающими последствиями для семьи и индивида в частности.

К наилучшим экономическим последствиям приводит и дискриминация женщин в семейных культурных традициях. Частым явлением в провинциальной культуре остается запрет мужа на женский труд вне дома, являющийся следствием традиционного разделения половых ролей в семье, несмотря на реальную возможность улучшить экономическое положение семьи за счет выхода жены на рынок труда.

Семья как институт возник, по мнению автора, в результате рационализации человеческой жизни. Однако отсутствие традиций взаимоуважения и любви в семье привело в новых экономических условиях к обесцениванию данной формы сосуществования и реализации полов.

Безусловно, параллельно наблюдаются и вполне рациональные решения, однако, они как правило являются вынужденными обстоятельствами. Изменения образа жизни семейных людей, часто становится причиной разрушения семейных отношений, что вряд ли может расцениваться как рост благосостояния (ибо решение экономических проблем обходится слишком дорого – человек вынужден отказывать себе в возможности быть любимым; жизнь становится менее полноценной, несмотря на решение насущных экономических проблем (например, решение жены о выходе на работу – причина конфликта с традиционным взглядом мужа на роль жены в семье).

Не менее редким примером нерациональной коммуникации являются отношения между родителями и детьми. Требование родителей по отношению к их детям соответствовать традиционным нормам, вопреки их собственным (часто инстинктивным, а потому уже верным) желаниям или убеждениям (например, выйти замуж или жениться, рожать детей и пр.). Результатом оказываются несчастные браки и такие же

несчастливые дети-внуки. Несчастливые люди, т.е. с грузом внутренне-внешних проблем – это непроизводительные работники, вынужденные значительную часть своего энергетического потенциала тратить не на профессиональную реализацию, а на создание или компенсацию внутреннего равновесия.

Аналогично обратное отношение – детей к родителям, когда дети обращают к своим родителям заведомо невыполнимые требования, которые становятся причиной комплексов родителей по причине «несоответствия», а также комплексов детей по той же причине (требование современного домашнего интерьера, который родители не могут себе позволить по причине низких заработков, требование приобрести автомобиль для личного использования его ребенком, приобрести модную норковую шубку и пр.).

Отсутствие взаимопонимания между детьми и родителями порождает напрасные издержки в виде затрат времени и энергии людей на бесконечные выяснения отношений, направленные на достижение временной гармонии, ибо отсутствие культурной нормы в форме другого гуманитарного стандарта, основанного на уважении как безусловной ценности во всех случаях, не связанных с насилием, не способно синтезировать гармонию непрерывную. Время и энергия, затраченные в данных обстоятельствах, могут быть потрачены на иные цели: профессиональную самореализацию, производство общественно ценных благ; т.е. производительно, а не затратно, что способствовало бы достижению более высокого уровня благосостояния как индивидов в отдельности, так и общества в целом.

Подобным образом внешняя нереспектабельность в провинциальной культуре осуждается чаще, чем криминальные источники доходов. Поэтому так популярны у нас воровство и вымогательство по сравнению с честностью и порядочностью, кроме того, первые явления воспринимаются как норма, а вторые – как отклонение.

Таким образом, неявное одобрение обществом респектабельности, питающейся из криминальных источников, породило вполне легитимный принцип – «украсть, но соответствовать требованиям окружения».

Другим примером, иллюстрирующим отрицательное воздействие некоторых культурных норм на экономическое благосостояние общества, является отсутствие навыков самостоятельного мышления, часто ведущее к увеличению транзакционных издержек. Так, представители правоохранительных органов, следуя букве закона, не имея навыков самостоятельного рационального мышления, часто принимают решения, являющиеся не лучшей из имеющихся альтернатив (больше времени и внимания уделяют делам, в которых отсутствует состав преступления нежели случаям, которые требуют безотлагательной проработки).

Проблема прав человека в нашей правоохранительной системе часто решается в пользу одних (часто не лучших), но за счет других людей. Речь идет о весьма масштабном явлении в нашей культуре – алкоголизме и наркомании. Отсутствие принудительных лечебниц, на взгляд автора, защищает права потребителя социально опасных видов развлечений (алкоголя и наркотиков), но без учета внешних отрицательных эффектов. Их жертвами часто становятся целые семьи, страдающие в силу данного обстоятельства право на частную жизнь, вынуждены приспособливаться, что связано с огромными издержками.

Кроме того, остается дискуссионным вопрос о том, является ли решение человека, попавшего в психофизиологическую зависимость от наркотика (или алкоголя), решением полноценного человека. Может быть жертва алкоголизма (или наркомании) нуждается в защите от самого себя?

Таким образом, некритическое копирование моделей поведения, доставшихся нам в наследство от социалистического прошлого, негативно сказывается на благосостоянии людей.

Почему же люди неохотно расстаются с «вредными привычками» в форме экономически нерационального поведения? Причина, видимо, снова кроется в необходимости выработки и принятия самостоятельных решений, требующих изменения привычного образа жизни, что для нас связано со значительными морально-интеллектуально-психологическими издержками, ибо мы не имеем подобных навы-

ков, во-первых, а во-вторых, мы живем в среде подобных нам – негибких, нетерпимых к новизне в образе жизни.

Что может помочь изменить данные обстоятельства?

Для ответа на этот вопрос целесообразно исследовать возможности влияния на образ мышления (модель поведения) людей.

Образу мысли можно научить, но того, кто в этом заинтересован, у кого есть потребность в этом. Потребности в обучении порождаются проблемами, субъективно неразрешимыми, или противоречиями в условиях выбора, где приоритеты могут быть выставлены в соответствие с ценностями. Образующий субъект должен пользоваться доверием обучаемых (для большинства провинциальных россиян – это средства массовой информации (СМИ)). В большинстве своем люди в России доверяют СМИ, а система ценностей деформирована экономическими реформами, с одной стороны, отсутствием опыта счастливой жизни – с другой (ведь вся при социализме – выживание и приспособление в силу античеловеческих условий относительно прав и свобод личности).

СМИ заполнила информация рекламного и политического характера, что по содержанию не отвечает целям обучения. Однако даже наличие объективно необходимой информации не гарантирует успеха в достижении цели, ибо человек отбирает и воспринимает лишь актуальную информацию. Поэтому на ускорение процесса обучения вряд ли можно рассчитывать, возможности управления данным характером обучения объективно ограничены.

Не менее важный вопрос – ЧЕМУ учить? Собственно, образование особым спросом не пользуется, гораздо большей популярностью пользуется диплом об образовании. Однако причиной этому является не только недооценка жизненной необходимости знаний и навыков², но и морально устаревшее, давно потерявшее свою актуальность содержание образовательных программ в учебных заведениях, что естественно, не может стать фактором привлекательности образования.

Поэтому в качестве средства решения проблемы можно предложить следующее:

- рекламу и прочие средства эффективной «раскрутки» квалифицированной помощи психологов и других специалистов в области гармонии человеческих взаимоотношений;
- содержательную трансформацию образовательных программ всех уровней образования и целенаправленное рекламирование образования как возможности повысить свой жизненный уровень не только экономически, но и в личном ракурсе;
- просвещение в вопросах психологии, философии, социологии и пр. с помощью СМИ (с аргументацией, иллюстрацией в виде прогнозирования экономических последствий, ибо такой подход обостряет актуальность и привлекательность данной информации для тех, кому она адресуется).

---

¹ *Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998. С.71.

² По результатам исследований образование и продолжительность жизни находятся в прямой зависимости. См.: *Эренберг Р., Смит Р.* Современная экономика труда. М., 1996. С. 324.